

РЕАНИМАТОЛОГ
СЕРГЕЙ СЕНЬЧУКОВ

ИЕРОМОНАХ ФЕОДОРИТ

ПОП НА МЕРСЕ

ЗАБАВНЫЕ
И ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ
СВЯЩЕННИКА-
РЕАНИМАТОЛОГА

Вдохновляющие истории, которые вернут веру в отечественную медицину, помогут обрести смысл жизни и докажут — чудеса случаются

Сергей Валентинович Сеньчуков
Поп на мерсе. Забавные
и поучительные истории
священника-реаниматолога
Серия «За кулисами медицины»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48487580

Сергей Сеньчуков (иеромонах Феодорит). Поп на мерсе: забавные и поучительные истории священника-реаниматолога: ISBN 978-5-04-105119-8

Аннотация

Отец Феодорит – врач и священник в одном лице. Долгое время он провел в реанимобиле, выезжая на самые разные вызовы и пытаясь помочь тем, кто оказался на грани жизни и смерти. Эта книга – сборник смешных и жизнеутверждающих рассказов, основанных на реальных событиях. С верой и любовью, но в то же время с весьма конкретным медицинским прагматизмом автор рассказывает о своих приключениях и злоключениях, ни на секунду не забывая о главном – в жизни всегда есть место чуду.

Содержание

Обо мне	5
1	7
Как я был наядой	8
О православном воспитании,	11
Про еретиков	15
Из жизни волхвов	18
Как я первый раз на Гробе Господнем служил	23
Маца против католиков	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Сеньчуков
(иеромонах Феодорит)
Поп на мерсе
Забавные и поучительные
истории священника-
реаниматолога

Серия «За кулисами медицины»

Фото на обложке: Анна Гальперина

© Сеньчуков С., текст, 2019

© Коломина С., илл., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Обо мне

Я Иеромонах Феодорит, а в миру – Сеньчуков Сергей Валентинович, родился в Москве в 1963 году. В 1980 закончил среднюю школу, сразу же поступил на педиатрический факультет 2 МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова, где учился до 1986 года. Закончил интернатуру по детской анестезиологии и реаниматологии в 1987 году. В медицину пришел школьником в 1979 (санитаром в больницу), в 1981 году начал работать на Станции скорой и неотложной медицинской помощи г. Москвы, где «служу» и по сей день. Во время учебы в институте работал также медбратом в разных стационарах Москвы. Став врачом-реаниматологом, работал в 7 детской больнице, 1 инфекционной больнице, НИИ Скорой помощи им. Н. И. Склифосовского и других больницах Москвы, в службе Медицины катастроф, преподавал на кафедре анестезиологии-реаниматологии МГМСУ, не бросая скорую помощь. Имею более 90 печатных работ и изобретения по специальности.

Крестился в 1988 году. В 2009 г. закончил Свято-Тихоновский университет. В 2008 г. принял постриг и рукоположен в диаконский сан, в 2014 г. рукоположен в сан иеромонаха. Награжден наперсным крестом. Имею государственные и церковные награды.

Веду блог [father_kot](#) в Живом Журнале и страничку на

Фейсбуке, где пишу на самые разные темы.

У меня две дочери. Старшая – монахиня Елисавета (в миру – Мария), кандидат философских наук, журналист, пресс-секретарь Якутской епархии РПЦ, проректор Якутской духовной семинарии по научной работе. Младшая – Дария, музыкант. А еще у меня живут три кота.

В этой книге я собрал для вас самые разные истории из моей медицинской практики. Я не буду вас учить жить, не буду навязывать истины. Моя задача – просто показать вам мир таким, каким увидел его я: ярким, смешным, красивым, иногда жестоким, но всегда восхитительно интересным. Мир, в котором есть место обыденности, но есть место и чуду.

Все истории, написанные здесь, настоящие. Изменены только имена героев. Надеюсь, вы получите и пользу, и удовольствие.

1

Про церковь, религию и веру

Как я был найдой

Недавно произошла забавная история. Пригласили меня послужить в один монастырь, славный не только своей историей, но и архитектурой. Был он долгие годы в разрухе, и только последнее время его стали всерьез восстанавливать. Соответственно, ходят туда не только смиренные богомоль-

цы, но и просто любители истории и древнего зодчества, как с экскурсиями, так и сами по себе.

И вот после службы и трапезы выхожу я к своему «Рекстону», снимаю рясу и клобук, собираюсь садиться за руль. А в ворота монастыря в это время входит группа мальчиков и девочек лет 20, один из которых увлеченно рассказывает прочим историю обители. Все собираются фотографироваться.

И тут замечают меня.

И внимание тут же переключается. Я чувствую себя кошкой на сцене – несколько пар глаз уставляются на мое недо достоинство. Кто-то украдкой переводит объектив. Парень-гид замолкает на полуслове.

Я, естественно, начинаю волноваться: что не так? Собственно, увидеть монаха в монастыре – ничего необычного. Ширинка даже если и расстегнута, то прикрыта подрясником, значит, по этой части все должно быть нормально. Может, думаю, меня за Кураева приняли? Или «Правмир» так распиарил, что стал я медийной персоной?

Но тут пришло вразумление: никакая я не медийная персона, а просто мифологический персонаж – Толстый Поп На Джипе.

И конечно, для ребят встреча со мной была как для древних греков с Гераклом. Или с наядой.

Помахал я юным любителям старины и уехал. Все же в монастыре надо на храмы смотреть, а не на меня.

О православном воспитании, или Кто кого съест

Живет на Святой Земле одна православная семья – Даша и Габриель. Именно на Святой Земле, а не в Израиле (хотя в Израиле жить тоже очень неплохо). Гавриил – православный иконописец и псалт, Даша – врач, а главное, мама троих мальчишек – Мишеньки, Феди и Филиппа.

История эта случилась, когда старшему Мишеньке было три-четыре года, Федя был еще младенцем, а младший Филипп был пока мечтой. Я заехал к ребятам в гости, просто навестить.

Даша готовила, Гавриил делал что-то по дому, Федя, как и положено хорошему младенцу, гулил, а Мишенька шалил. Ну, шалил – это так говорится. Вел он себя ровно так, как и должен вести себя нормальный ребенок, тем более рожденный в семье с южными и восточными корнями, – бегал, прыгал, пел...

Даша, меланхолично что-то то ли нарезая, то ли помешивания, в процессе разговора, увещевала сына не шалить, т. е. вести себя потише. Мишенька маму, безусловно, любит, но ведь против природы не попрешь – бег, прыжки и пение продолжались.

Тогда Даша, не меняя тона, произнесла: «Миша, если ты не перестанешь шалить, то я попрошу отца Феодорита, и он тебя съест!»

Я несколько удивился. Во-первых, я детей обычно не ем. Во-вторых, ребенок, выросший в православной семье,

на мой взгляд, должен знать, что батюшки вообще детьми не питаются. Однако Мишенька, внимательно посмотрев на мой живот и, видимо, прикинув, что теоретически – да, могу, счел за благо ретироваться и занял позицию в комнате рядом с младшим братом.

Но прятаться молча было выше его сил, и вскоре из комнаты стали доноситься песни на нескольких языках (Миша с детства владеет армянским, арабским и русским, сейчас прибавились английский, иврит и, по-моему, греческий), а затем топот ног, после чего Мишенька появился на кухне собственной персоной.

– Мишенька, ты опять шалишь? – тем же тоном спросила Даша. – Наверное, отец Феодорит тебя все-таки съест.

Миша обошел стол, посмотрел на меня, хитро прищурил глаз и сказал:

– А вот я вырасту большой, и...

Как вы думаете, дорогие читатели, что сказал Миша дальше? Уверен, что большинство из вас подумали, что окончанием фразы было «и сам тебя съем!»

Я тоже так подумал.

Но Мишенька сказал совсем по-другому. Его фраза звучала так: «Я вырасту большой, и ты не сможешь меня съесть!»

Честно говоря, я был потрясен. Вот что значит истинно православное воспитание. Ребенок не о победе мечтает, а о том, чтобы ближний греха человекоядения не совершил.

А мы все, кто сам съесть захотел, – не православные, а

ЖИВОГЛОТЫ.

Про еретиков

Одна милая девочка, Таня Аржемирская, на своей страничке обсуждает, еретики ли католики? Таки, конечно, да,

и в подтверждение сему это маленькое воспоминание (на Фейсбуке я его, кажется, не выкладывал).

Итак, дело происходит где-то в середине 2000-х годов на Святой Земле. Конкретно, на горе Фавор на праздник Преображения Господня. Всем православным людям известно, что в ночь на Преображение на гору Фавор сходит Благодатное облако. И вот многотысячная толпа заполняет двор монастыря и ждет.

Но вся проблема в том, что Облако сходит по-разному. Иногда это действительно облако, обволакивающее всю гору; иногда – дымка, иногда – обильная роса, покрывающая не только траву и деревья, но и православный люд. И время непредсказуемо. Когда-то оно сходит в самом начале праздничной Литургии, а когда-то...

Вот в этот год, видимо, и пришло время этого «когда-то». Уже Отче наш прозвучала, в открытом алтаре батюшки причастились, а облака все нет. И тогда митрополит Галилейский Кириак начинает проповедь, посвященную, конечно же, Фаворскому Свету и учению святого Григория Паламы. Говорит он очень долго и, естественно, по-гречески.

А слушатели проповеди в основном русские, потому что русских паломников подавляющее большинство. Нет, конечно, и греки присутствуют, и румыны с сербами, а под стенами монастыря православные арабы барашка жарят (такой у них обычай на Преображение – праздник, так уж праздник). Но русских больше всех. А греков, стало быть, меньше, они си-

дят, слушают, да на небо поглядывают. А русские уже дремлют.

И тут владыка громко говорит что-то типа: «Католикос, армянос, коптос – херетикос кес скотос». Он имел в виду, что все эти еретики – католики, армяне, копты – люди темные (темный – по-гречески σκότης) и Фаворским Светом не просвещенные.

Но русские люди греческого языка, как правило, не знают. А слова знакомые все услышали. Владыка-то католиков еретиками и скотами назвал! Народ с мест повскакивал, обрадовался.

Тут-то Облако и сошло.

Вот так!

Из жизни волхвов

Это просто воспоминания. Никакой назидательности в этой истории нет.

Ехали мы с дурацкого вызова. Мы – это реанимационная бригада, элита московской скорой помощи, как говорил когда-то главврач Каверин, снятый в начале перестройки за злоупотребление служебным положением. С тех пор с каждым новым главврачом элитарность бригады все уменьшалась. Поэтому вызов, с которого мы возвращались, и был дурацким – полечили старушку от остеохондроза.

Загудел коммуникатор.

– Ну вот еще какая-то хрень, – вздохнул фельдшер Андрюха.

Андрюха был фельдшер не простой, а реанимационный. Отец троих детей, между прочим. За плечами – спецназ ГРУ, чеченская кампания, затем труд в частной военной компании – охрана нефтяных промыслов то ли в Африке, то ли в Азии. И виртуозное владение ножом. Инструктор ножевого боя в каком-то подмосковном центре МВД.

– Дай-ка гляну! – второй фельдшер Леха взял коммуникатор, на котором вызов в этот момент как раз и высветился.

– Да нет, похоже, не хрень! Ребенок, клиническая... (имеется в виду повод – клиническая смерть).

– Сколько ребенку? – начал было я, но тут раздался звонок.

Звонила старший врач.

– Пожалуйста, побыстрее, там ребеночку два дня, там уже «пятерка» (педиатрическая бригада) качает.

Да, два дня – это не шутка. Откуда он такой дома взялся? И вот интересно, а если бы мы до сих пор у бабки сидели, что бы они делали, подумалось мне.

Через три минуты реанимобиль затормозил у подъезда. Вместе с нами в лифт влетел запыхавшийся милиционер.

– Тоже к младенцу? Они его вообще уже похоронили, а потом оживили вроде, – старлей тяжело отдувался и, похоже, готовился стать нашим пациентом.

Дверь в квартиру была открыта. Сильно пахло какими-то восточными благовониями. В комнате забила на кровать худенькая женщина в ночной рубашке, мужик с искаженным злобой лицом бегал по комнате, на столе лежал цианотичный младенец, которого «качала» педиатр с испуганными глазами. Рядом стояла растерянная фельдшерница.

Накинув электроды, мы увидели редкий синусовый ритм. Самостоятельного дыхания не было. Собственно, интубировать новороodka – дело простое, проблема упиралась в отсутствие детского аппарата ИВЛ, уж больно маленький был ребеночек. Выручила детская амбушка (механическое ручное устройство для выполнения временной искусственной вентиляции легких. – Прим. ред.), которую подключили к кислороду. Как ставить детям подключичку (центральный венозный катетер. – Прим. ред.), руки еще помнили, атропин, допамин... Ребенок порозовел, но зрачки оставались широ-

кими и без реакции на свет.

Папаша злобно ругался и на педиатров, и на нас. Взгляд мой упал на стену, где красовались рунические письмена. На книжной полке стояли какие-то фигурки. Педиатр пропищала:

– Они дома рожали, а сегодня обнаружили, что ребенок умер.

– Как обнаружили?

– Да богам своим молились, смотрят, а ребенок не дышит! – подала голос фельдшерица. – Мы приехали – труп трупом.

У меня за спиной раздалось рычание. Андрюха вытащил нож и со стеклянными глазами пошел на отца-язычника.

– Убирай отца на кухню! – заорал я менту. – Андрюха, бросай нож, атропин! Сердце встает!

Андрей включился.

– Ненавижу! Сволочи, сколько детей погубили! – бормотал он, набирая атропин.

Леха продолжал качать младенца. Собственно, историю нам удалось вытащить с трудом. Пара язычников, отец – какой-то то ли жрец, то ли колдун, в общем, волхв, мать на учете не стояла, рожали дома на 36-й неделе с такой же языческой повитухой, утром ребеночек был синеватый, принесли жертву каким-то духам, после дневного сна ребенок не проснулся. Приехавшая педиатрическая бригада констатировала смерть, сообщили в центр.

Дальше отец вырвал телефон, затребовал другую бригаду и сам начал реанимацию. Испуганные медики включились и вызвали нас на клиническую смерть. Мы приехали.

Ребенка мы госпитализировали в реанимацию, но, к сожалению, через сутки он умер. Порок развития легких. С язычниками долго разбирались, но так все и закончилось ничем. А вот педиатр уволилась. Ушла в поликлинику.

Как я первый раз на Гробе Господнем служил

Был я тогда молодым диаконом. Нет, не так, конечно. Ибо был я тогда немолодым диаконом (лицо, проходящее церковное служение на первой, низшей степени священства. – Прим. ред.), но недавно рукоположенным. И вот сподобил меня Господь поехать в паломничество ко Гробу Господню во святой град Иерусалим.

Надо сказать, что в Иерусалим я поехал далеко не в первый раз. Был я там раз тринадцать, но мирянином (последователь христианства, член Церкви, не являющийся священником. – Прим. ред.). И один раз сразу после пострига Владыка наш благословил, он и сам паломничать любит. А вот так – диаконом – первый раз.

Естественно, сразу побежал в Патриархию разрешение на служение получать. Владыка Аристарх узнал, обрадовался, что я монахом стал, да еще и диаконом... И вот я с бумагой иду ко Гробу Господню. А там радостная весть – сегодня будет открытая Литургия, и служит архиепископ Севастийский Феодосий (Ханна). Собственно, то, что именно владыка Феодосий служит, – это хорошо (он служит красиво и торжественно), но не более того. А вот то, что Литургия открытая, как раз радостно.

Кто не знает, на Гробе Господнем Литургии бывают закрытые и открытые. Закрытые служат ночами, за заколоченными дверями, и на них мало кого пускают. А открытые – по воскресеньям весь год, Успенским Постом – ежедневно,

а также когда служит какой-нибудь архиерей. Храм открыт, пускают всех. И иноземные клирики служат как раз на открытых Литургиях.

Однако был один нюанс. Дьякон-то я деревенский, с архиереем ровно два раза служил, службы архиерейской не знаю. Ну, думаю, ладно, архиерейская служба, я по хиротонии точно младшим буду, значит, служить мне третьим-четвертым диаконом.

Прихожу ночью – и вот тут ужас! Нас, диаконов, двое. Но мало того, что двое: первым служит святогробский диакон Фаддей, которого только-только рукоположили. У него та же проблема, что и у меня. А дело еще усугубляется тем, что Фаддей, естественно, грек. И понимает он только по-гречески, ну, может, по-арабски еще. Русского не знает он, греческого – я, а английского – мы оба.

Ладно, думаю, кто-нибудь из русских батюшек подскажет, благо русских всегда много. Высмотрел я одного маститого протоиерея, прикинул, что по количеству наград он стоять будет ближе всех. Служба началась.

Владыка занял свое место, мы с Фаддеем – по сторонам от него с дикирием и трикирием, батюшки выстроились. Я протоиерею шепчу: «Батюшка, мол, подскажи!» А он мне: «Я деревенский, службы архиерейской не знаю!» Да, ситуация...

Слава Богу, в Иерусалиме все-таки попроще, чем у нас. Архиерей в алтаре облачается, все быстро. Как-то начали.

Фаддею-то легче: ему монах Пантелеймон, многолетний хранитель Гроба и пономарь, подсказывает по-гречески, а у меня только служебник. Тут Владыка мне шепчет «Паки и паки...» Я и начал...

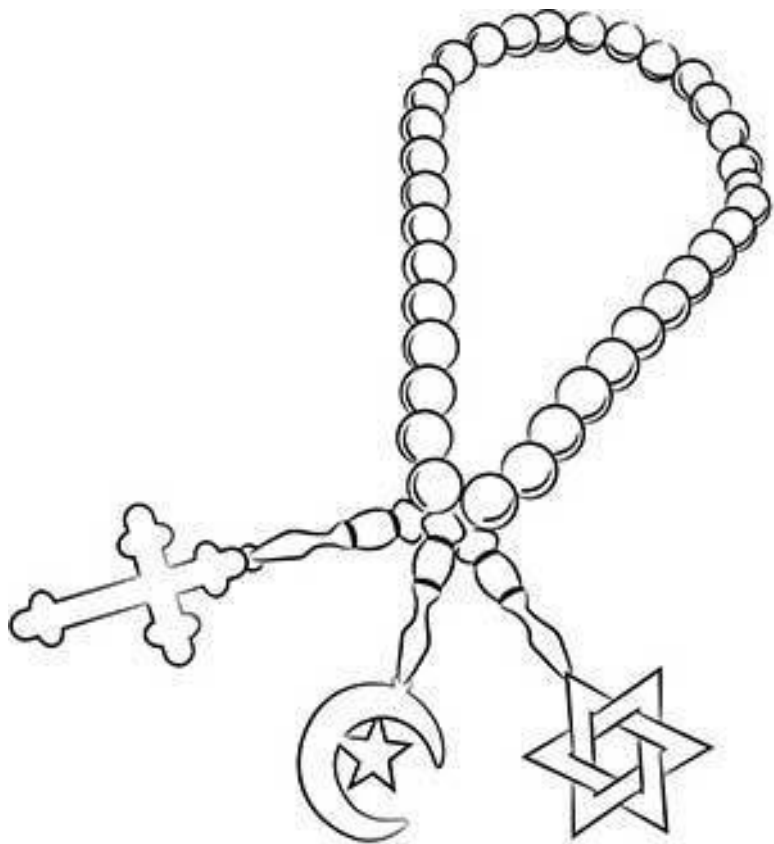
В общем, со страху я как начал гнать... В общем, с Евангелием мы уже не шли, а бежали. Я с кадилом впереди, за мной Фаддей с Евангелием, ну и остальные.

С перепугу я архиерейскую Литургию в полтора часа уложил в таком темпе. Мне горненские сестры потом сказали, что отродясь такой скорости не видали. «Прямо, – говорят, – летели!» А я от страха. Думал, Владыка съест меня. Но нет, улыбнулся. Понял.

Потом я еще служил на Гробе Господнем не раз – и диаконом, и священником. Но такого ощущения больше не было.

Маца против католиков

Дело было много лет назад. В одной среднерусской епар-

хии в областном центре N жил да был архиерей. Настоящий архиерей, еще советского разлива – с большой белой бородой, величавой походкой и в сане архиепископа. Епархия была не слишком большая, но крепкая; народ там жил верующий, были в епархии свои епархиальные святые, да и общечтимые были. Радовали владыку и монастыри, и храмы, только вот одно огорчало – кафедральным собором служил кладбищенский храм. Но и кладбище было немаленькое, и собор выглядел собором, а что на кладбище – так и доходу больше. Так и жили.

А еще жили на территории епархии татары (естественно, мусульмане), а в главном городе существовала крепкая еврейская община со своей синагогой. Мусульман возглавлял муфтий, а у иудеев был свой замечательный раввин, настоящий – в шляпе и лапсердаке. Главы конфессий в советские годы встречались на приемах по случаю Дня Победы и очередной годовщины Великого Октября, иногда сталкивались в приемной Уполномоченного по делам религий, но, в общем, существовали в параллельных пространствах.

И было так до начала 90-х годов. В этом самом начале, как многие помнят, в нашу страну хлынули разнообразные сектанты. Но народ в этой области жил традиционный, и, как ни скакали на стадионе неопятидесятники (движение внутри христианства, в основном среди протестантских общин. – Прим. ред.), как ни завлекали многоженством мормоны, как ни морочили головы спешащим прохожим иеговисты, сред-

нерусский народ не поддавался.

И тут случилась беда. Дело в том, что жили в этом городе еще и католики. Причем не только в областном центре, но и в некоторых районах. Непонятно было, откуда они взялись: кто говорил о сосланных участниках польского восстания, принесших свою веру, кто о пленных немцах, но факт в том, что жили они там исторически. Собственно, в советские годы никого они не волновали, даже, наоборот, забавно было: идет этакая баба Глаша с латинским молебником, и все на нее таращатся. Храма у них не было, собирались по домам, но в силу малочисленности и экзотичности их не трогали. А в перестройку даже разрешили открыть молельный дом.

И вот в самом начале 90-х, когда СССР приказал долго жить, в Великий Пост в областной газете появилась заметка: «Вчера наши братья-католики отметили Пасху. Богослужение возглавил новый ксендз, отец... (назовем его Тадеуш). Присутствовали учащиеся воскресной школы. Музыкальное сопровождение – солист N-ской филармонии, народный артист Чувашской АССР Леонид Розенфельд». Да, римская курия вспомнила про среднерусских католиков и прислала туда настоящего ксендза. Родом ксендз был из Западной Белоруссии, по национальности поляк и очень образован. Он даже учился в Риме, а по слухам, которые сразу же дошли до епархиального секретаря православной епархии, состоял членом ордена иезуитов.

И вот с этой новостью епархиальный секретарь и явился

к Владыке.

Владыка по случаю великопостного понедельника сидел за столом и трапезничал солеными грибочками с квашеной капустой. В маленькой хрустальной вазочке лежали холодные бочковые соленые огурчики, в другой – соленые помидорки, а на тарелке кузнецовского фарфора дымилась печеная в золе картошка. В запотевшем кувшине рдел сводивший зубы морс. Владыка был постник и вкушал все строго по уставу.

Услышав сообщение епархиального секретаря, архиепископ задумался. Ну, ладно, хрен с ним, с Розенфельдом (в голове Владыки проплыл холодец с хреном, который терли для него в Свято-Троицком женском монастыре), может, он и вправду немец. Ну понятно, ксендз приехал – перестройка! Но вот иезуит из Белоруссии... этот делов наделает. Да, собственно, уже начал: только приехал, а уже воскресную школу открыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.